

считает, что этноним «ассирийцы» не характерен для стиля Лиутпранда и потому должен восходить к реконструируемому исследователем апокалипсису (с. 97) — однако кременский епископ пользуется этим словом и в собственном повествова-

нии¹. И последнее: ученый не берется отождествить экспедицию магистра Эксакионита против сицилийских арабов (с. 100, примеч. 12), между тем как косвенное свидетельство о ней содержится в житии св. Нипла Нового².

С. А. Иванов

Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παρακμή και πτώση του θεματικού θεσμού. Συμβολή στην εξέλιξη της διοικητικής και της στρατιωτικής οργάνωσης του Βυζαντίου από το 10 αι. κ. ε. Θεσσαλονίκη, 1985. 165 Σ.

Монография М. Григориу-Иоаниду «Упадок и ликвидация системы фем. Вклад в изучение эволюции административной и военной организации Византии с X в. и далее» представляет собой публикацию кандидатской диссертации, защищенной в 1985 г. на отделении истории и археологии университета Аристотеля в Салониках. Работа состоит из двух частей, вступления, заключения и библиографии. В библиографическом разделе (с. 11—31) приводятся источники и основные работы по теме, данные в алфавитном порядке вместе со списком сокращений.

Довольно обширная вступительная часть (с. 35—52) посвящена рассмотрению проблемы формирования и развития фемной системы в Византии в период до X в. В изложении этой сложной и дискуссионной темы М. Григориу-Иоаниду опирается на работы И. Караяннопулоса, не полемизируя и даже не отметив другие точки зрения на этот счет, полагая, видимо, что они хорошо известны читателю. Согласно автору, первоначально термин «фема», упоминаемый Феофаном применительно к событиям VII в., обозначал крупные воинские подразделения. Новый этап в развитии фем наступает в последней четверти VII в., когда начинается закрепление воинских подразделений за определенными территориями, оборона которых становится их постоянной обязанностью. Процесс военизации византийской администрации, ведущей свое начало со времен Юстиниана I и несколько приостановленный в последующий период, возобновляется, по утверждению автора, при Льве III (717—741 гг.). Постепенное падение значения старой администрации и сосредоточение гражданской и военной власти в руках стратига завершается в ряде областей к последней трети VIII в. (с. 38). Процесс деления крупных фем на более мелкие продолжался на протяжении всей истории существования этой организации. В качестве наиболее общих причин дробления фем автор называет стремление императоров обезопасить себя от честолюбивых устремлений могущественных стратигов, выступления которых неоднократно потрясли империю в VII—VIII вв., заботу об улучшении обороны империи и утверждения ее господства на приобретенных территориях (IX—X вв.), борьбу с восстаниями фемной знати, печальный опыт которой имели Иоанн Цимисхий и Василий II (с. 40). Раздел крупных военно-админи-

стративных областей на Востоке в VIII—X вв. отражен в списке фем с указанием года их образования (с. 40—47). В примечаниях приводятся данные о первых упоминаниях фем в источниках и, в ряде случаев, основные суждения в историографии относительно хронологии их создания. Что касается западных фем империи (Фракия, Эллада и Сицилия), то, по мнению автора, преобразование здесь фем-военных отрядов, возникших в конце VII—начала VIII в., в административные единицы шло параллельно с их делением. Т. е. возникновение самой фемной организации начинается не ранее конца VIII—начала IX в. (с. 47—50), но Григориу-Иоаниду не дает хотя бы краткого обзора обстоятельств ее формирования в этой части империи. И хотя причины, тормозившие создание фем на Балканах, общеизвестны, однако проблема восстановления власти империи здесь дискуссионна и мнение автора требует хотя бы некоторого пояснения. Иначе система обороны империи в данном регионе по крайней мере до IX в. остается совершенно неясной.

Первый раздел монографии, озаглавленный «Эволюция и падение фемной системы. Новая администрация» состоит из трех глав, в которых последовательно рассматриваются эволюция фемной организации, ее постепенный упадок и формирование новой администрации. Проследившая географические и структурные изменения в системе с X в., автор указывает на появление в этот период большого числа новых фем, территория которых ограничивалась одним городом, крепостью или небольшим округом. Общее административное переустройство империи в X в. выразилось также в распространении должностей дуки и катепана, отмеченных уже в Эскуриальском тактиконе (971—975 гг.). В монографии дается список стратигов, дук и катепанов по векам и областям в период со 2-й пол. X до XIV в. (с. 57—78). Сам по себе этот список, явившийся результатом кропотливой работы автора с источниками, дает в руки исследователей богатый материал, важный не только в связи с поставленной в монографии проблемой, но и для изучения разных аспектов истории византийской администрации.

Наблюдения над списком позволили Григориу-Иоаниду сделать ряд выводов. Процесс эволюции византийской системы фем начиная с X в. характеризуется

¹ Liudprand von Kremona. Die Werke. Hannover, 1915. S. 192.

² PG. 120. Col. 105 A.

тремя основными тенденциями. Первая из них заключается в том, что рост численности стратига и снижению его положения в военной иерархии. Сам термин «стратиг» начинает терять свое техническое значение в источниках (с. 80). Вторая тенденция связана с повышением роли должностей дук и катепана, постепенное присвоение ими власти над вооруженными силами провинций. Однако они (по мнению автора, должностные являются тождественными) не подменяли полностью стратигов прошлого периода, так как одновременно с первыми двумя проявилась и третья тенденция в развитии фем — высвобождение гражданской администрации провинций из-под власти ее военного главы. Имена судей или преторов и других представителей судебно-финансовых служб все чаще встречаются в источниках начиная с XI в., как показывают приведенные в монографии списки фем, областей или крупных судебно-финансовых округов (охватывавших несколько фем), судьи которых упомянуты в источниках XI—XII вв. (с. 85—89). Дальнейшее развитие трех тенденций, как показывает автор, привело к исчезновению к середине XI в. должности стратига как главы военно-административного округа и передаче его обязанностей дук и судье (с. 90). Однако с изменением системы обороны империи в XI в. меняется постепенно и характер компетенции дук, власть которого ограничивалась теперь судебно-финансовыми и полицейскими функциями. Таким образом, сами фемы в этот период утрачивают свою структуру крупных военно-административных областей и превращаются в судебно-финансовые округа (с. 93—94), что было в большей степени характерно для Балкан, чем для восточных областей империи (с. 97—102). Снижение значения всех должностных степеней, связанных с фемой, привело к созданию титула «*кесалъ*», который, согласно источникам XIII—XIV вв., носил глава новой администрации в провинции, имевший ограниченную власть и смешанные функции военно-полицейского и гражданского управления (с. 103—104).

Основные выводы Григориу-Иоаниду о путях эволюции византийской административной системы не являются сами по себе новым словом в историографии¹, однако ценность рецензируемой работы заключается в конкретности исследования, привлечении большого количества тщательно подобранных материалов источников. Примечательным в работе метод сквозного просмотра терминологии памятников дал автору возможность проследить эволюцию византийской провинциальной администрации за значительный период времени — с X по XIV век. Однако изучение материала вне широкого исторического контекста неизбежно ведет к определенной схематизации сложного процесса, вне поля зрения читателя остаются вопросы причин и следствий тех или иных

явлений, своеобразия эволюции в отдельных регионах, локализации и территориального охвата некоторых фем пр. — т. е. вопросы весьма важные для подтверждения некоторых положений данной работы.

Второй раздел («Развитие военной организации и ликвидация фемного войска империи» (с. 107—148) состоит из двух глав. Предваряет его описание структуры византийского войска империи в ранне- и средневизантийский периоды (согласно принятой в греческой историографии периодизации, первый период охватывает 324—565 гг., второй — 565—1081 гг. и поздневизантийский — 1081—1453 гг.). В изучаемое в работе время византийская военная организация, как известно, знала две категории войск — фему и тагму, которые обычно в историографии противопоставляются как провинциальное и императорское войско. Однако эта антитеза должна быть, по мнению Григориу-Иоаниду, подвергнута сомнению (с. 111). Ясно, что в период роспуска фемного войска по домам оборону империи брало на себя войско тагм. В источниках начиная с X в. упоминаются тагмы в некоторых провинциях империи, однако, по мнению автора, следует решительно отвергнуть взгляд на них, как на части императорского войска, постоянно базировавшиеся в фемах или даже временно туда введенные (с. 112). Распределение императорского войска по провинциям означал бы ослабление обороны центра империи, поэтому следует искать другое объяснение феномену «тагм» на периферии. По мнению автора, единственно возможным в данном случае является предположение, что в каждой феме существовали постоянные войска, состоявшие из профессиональных воинов, получавших плату из казны. Они находились под командованием стратига и составляли ядро фемного войска. В VIII—IX вв., как показывают наблюдения автора над терминологией источников, они назывались «*таξάτοι*» или «*ταξίβηται*», а с X в. обозначались термином «тагма» (с. 113—118). В XI в. в связи с почти постоянными нападениями на востоке и западе и необходимостью удерживать длительное время войска в районе военных действий возрастает роль хорошо вооруженной и обученной армии профессиональных или наемных воинов, поэтому повышается значение тагмных войск провинций, увеличивается их автономия в составе фемного войска, а затем постепенно ликвидируются подразделение стратиотов-земледельцев (с. 121—122). Попутно автором затрагивается вопрос об отрядах иноэтничного населения внутри фем — милингов на Пелопоннесе, влахов в Элладе и пр. Не развивая этой темы (которая еще ждет своего исследователя), она ограничивается замечанием, что их не следует отождествлять с тагмами фем, так как эти отряды существовали, видимо, наряду с ними и для их укрепления (с. 124).

¹ См., например, об этом: *Литавин Г. Г. Византийское государство в VII—XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 128.*

Особая глава во втором разделе посвящена структуре византийской армии (с. 125—147). Четыре способа мобилизации, существовавшие в империи с ранневизантийского периода (налоговая, наследственная, добровольная и наемная (варварская)), сохраняются в целом и в последующие столетия. Однако с конца IX—X в. отбывание воинской повинности упорядочивается: с утверждением системы воинских поселений она все больше приобретает наследственный характер, так как владение стратиотскими участками передавалось по наследству. С этого времени, как показывает автор, в византийской армии существовали три категории воинов — мобилизованные, постоянные и наемные, причем две последние отличались лишь тем, происходили ли они из числа местных жителей или иноземцев. Что касается провинциального, т. е. фемного войска, то автор признает, что в источниках не делается различий между мобилизованными и постоянными войсками, поэтому о наличии здесь «*φοῦδοὶ στρατιώταις*» можно судить лишь по косвенным указаниям (с. 132—133), например о выдачах «*φύλας*». Автор решительно отвергает мнение, что речь мо-

жет идти о выплатах стратиотам-владельцам воинских держаний (с. 134—135). Обе категории воинов в провинции составляли в совокупности фемное войско, именно поэтому, по мнению Григориу-Иоанниду, они не отделены в источниках (с. 135).

Изменения, которые претерпевает византийская военная организация в XI в., кроме уже названных (возрастания значения тагмных войск и их централизации и ликвидации армии стратотив-земледельцев), выразились в увеличении иноземного элемента в воинских силах империи. Заключительный параграф раздела посвящен тагмам иноземных наемников (с. 144—148).

В монографии М. Григориу-Иоанниду решаются, разумеется, далеко не все вопросы, связанные с историей военной организации империи в рассматриваемый период (да автор, видимо, и не ставит себе такой задачи), однако это исследование обогащает наши представления о составе воинских сил византийской провинции.

В кратком заключении повторяются основные выводы исследования.

О. В. Иванова

Nubia Christiana / Akademia Teologii Katolickej. Warszawa, 1982. Т. I. 352 s. + Pls., figs., maps.

Принятое в конце 1950-х годов решение о строительстве высотной Асуанской плотины и связанная с этим угроза затопления Нилом огромных территорий побудили ЮНЕСКО выступить с призывом к научной общественности мира помочь Египту и Судану в деле изучения и спасения нубийских памятников культуры и искусства. Ученые более пятидесяти стран откликнулись на этот призыв. С 1960 г. в долине Нила развернулись широкомасштабные работы, координатором которых выступило Общество по изучению нубийских древностей (Society for Nubian Studies).

Особенно весомый вклад в изучение Нубии внесли ученые Польши. Создание в 1961 г. в Каире Польского центра средиземноморской археологии, а вслед за этим — Центра Нубийских исследований при Польском институте средиземноморской археологии в Варшаве явилось прочной базой для всестороннего изучения нескольких древних объектов на территории Нубии — Олд-Донгола, Гран Ком, Кадеро и, конечно же, Фарас. Организатором и подлинным вдохновителем всех этих мероприятий был выдающийся польский археолог профессор Казимеж Михаловский (1901—1981).

Результаты двадцатилетней многосторонней исследовательской деятельности польских ученых, занимающихся нубиологией, находят отражение в материалах международных симпозиумов, семинаров, коллоквиумов, в ряде издающихся в Польше публикаций. Последний в ряду таких публикаций — изданный в конце 1982 г. Академией католической теологии в Варшаве первый том «Nubia Christiana» (редактор С. Якобельский, при участии

Б. Ростковской). Авторы посвятили его памяти К. Михаловского.

Исследовательскую часть предваряет краткое вступление (на французском и польском языках), написанное К. Михаловским (с. 5—8). В нем он обрисовывает основные проблемы, стоящие перед исследователями Нубии, состояние их изученности на сегодняшний день, дает общую характеристику сборника, выделяя работы иностранных авторов (Дж. Плэмли, Д. Вантини) и выражая уверенность, что «Nubia Christiana» со временем станет интернациональным органом.

Книга включает двенадцать работ одиннадцати авторов (большинство из которых принимало участие в раскопках под руководством К. Михаловского). Статьи написаны по-английски и по-французски и сопровождаются развернутыми аннотациями на польском языке. На с. 9—14 приведена литература по нубиологии, включающая более 150 названий. Работы (кроме одной) насыщены библиографическими ссылками.

Сборник открывается статьей Президента Общества по изучению нубийских древностей, многолетнего руководителя раскопок в Ибриме (крепость, моельни, некрополь) Дж. М. Плэмли «Новые данные о христианской Нубии в свете недавних раскопок» (с. 15—21). Автор отмечает, что, основываясь на третьей части «Церковной истории» епископа Иоанна Эфесского, временем распространения христианства в Нубии принято было считать середину VI в., когда в Нубию прибыл первый христианский миссионер Юлиан с посланием от византийского императора. Однако добытые археологами материалы заставляют пере-